

ЧУДОТВОРНАЯ ИКОНА БОГОМАТЕРИ ТИХВИНСКОЙ: датировка, атрибуция, иконография, ранняя история почитания

И. А. ШАЛИНА

Государственный Русский музей,
191186, Россия, Санкт-Петербург,
ул. Инженерная, д. 4
shalina_irina@mail.ru

IRINA A. SHALINA

The State Russian Museum, 191186, Russia,
St. Petersburg, Inzhenernaya St., 4
shalina_irina@mail.ru

Для цитирования: Шалина И. А. Чудотворная икона Богоматери Тихвинской: датировка, атрибуция, иконография, ранняя история почитания // Журнал ВШЭ по искусству и дизайну / HSE University Journal of Art & Design, 2024. № 4 (4). С. 134–169

DOI: 10.17323/3034-2031-2024-1-4-134-169

Аннотация

Несмотря на многочисленные работы (в основном популярного характера), посвященные чудотворной иконе Богоматери Тихвинской, вопрос о ее датировке и атрибуции не только не получил научного решения, но даже и не был поставлен. Между тем, сохранившиеся участки живописи, особенно личного письма, позволяют связывать ее с новгородским мастером, работавшим в русле византизирующего направления последней трети XIV века. Это доказывает сравнение с рядом памятников, созданных в это время в Новгороде и отразивших влияние греческих и балканских художников, расписывавших городские храмы. Анализ композиционных особенностей иконы приводит к выводу об отсутствии точных иконографических аналогий, хотя в восточнохристианском мире находится немало близких решений образа Перивлепты Аристерократусы, порой представленной с обнаженной стопой Младенца — основной приметой тихвинской Одигитрии. Ряд ранних повторений чудотворной святыни, когда та еще не имела широкого распространения, впервые связывается происхождением с Успенским собором Большого монастыря в Тихвине. Это, прежде всего, крупный образ с клеймами протоевангельского цикла из Мало-Кириллова монастыря в Новгороде (НМЗ), на наш взгляд, служивший первой храмовой иконой тихвинского собора. Прослеживаются этапы раннего почитания образа в Москве, чему способствовало внимание к нему Василия III, по воле которого в 1515 году возводится каменный Успенский собор как реликварий для иконы, что было связано с молением княжеской семьи о чадородии. Архивные источники и редкие сохранившиеся памятники позволяют отчасти реконструировать убранство святыни этого времени. Со времен Иоанна Грозного святыня монастыря получает общерусское почитание.

Ключевые слова: чудотворная икона Богоматери Одигитрии Тихвинской, Успенский Тихвинский монастырь, Новгород, древнерусское и византийское искусство XIV и XVI века, древнерусское лицевое шитье, иконография, Василий III, Иоанн Грозный

the miraculous tikhvin
icon of the mother of
god: dating, attribution,
iconography, early history
of veneration

Abstract

Despite numerous works devoted to the miraculous Tikhvin icon of the Mother of God, mostly of a popular nature, the question of its dating and attribution not only has not received any scientific solution, but has not even been raised. Meanwhile, the surviving sections of the painting, especially personal writing, allow us to associate it with the work of a Novgorod master who worked in the mainstream of the Byzantinizing trend of the last third of the 14th century. This is proven by a comparison with a number of monuments created at that time in Novgorod and reflecting the influence of Greek and Balkan artists who painted the city's churches. An analysis of the compositional features of the icon leads to the conclusion that there are no exact iconographic analogies, although in the Eastern Christian world there are many close solutions to the image of Peribleptos Aristocratous, sometimes presented with the naked foot of the Child, the main feature of the Tikhvin Hodegetria. A number of early copies of the miraculous relic, when it was not yet widely distributed, are first associated with its origin in the Assumption Cathedral of the Great Monastery. This is, first of all, a large image with scenes of the protoevangelical cycle from the Malo-Kirillov Monastery in Novgorod (NMZ), which, in our opinion, served as the first temple icon of the Tikhvin Cathedral. The stages of the early veneration of the image in Moscow are traced, which was facilitated by the attention to it of Vasily III, by whose will in 1515 the stone Assumption Cathedral was erected as a reliquary for the icon, which was associated with the prayer of the princely family for childbearing. Archival sources and rare surviving monuments allow us to partially reconstruct the decoration of the relic of that time. From the time of Ivan the Terrible, the monastery's relic received all-Russian veneration.

Keywords: Miraculous icon of the Mother of God Hodegetria of Tikhvin, Assumption Tikhvin Monastery, Novgorod the Great, Old Russian and Byzantine art of the 14th and 16th century, Old Russian facial Embroidery, iconography, Vasily III, Ioann the Terrible

Легендарная история, отраженная в Сказании о иконе Богородицы Одигитрии, составленном в конце XV века¹, относит ее чудесное появление «невесты откуда» в новгородских пределах к 1383 году. Шествуя по воздуху из одного селения в другое, образ посещал малообжитые и еще не христианизированные земли, освящая места возведения будущих храмов. Сказание подчеркивает многократность его явлений и невидимость перехода с одного места на другое. Сложная история иконы, находящейся в действующем Успенском храме Тихвинского монастыря, многолетнее пребывание за рубежом, многочисленные поновления и антикварные реставрации, далекие от научного уровня, а также недоступность для исследований после возвращения ее в Россию в 2004 году, не позволяют установить степень сохранности авторского замысла и уверенно связывать памятник с конкретным временем и местом создания, поэтому мы можем лишь высказать здесь свои наблюдения.

Среди ранних поклонных Богородичных икон — это средний по размеру памятник (88,5 × 66 × 2,4 см) (Ил. 1).

Его деревянная основа состоит из двух досок, скрепленных двумя врезными сквозными шпонками², характерными для ранних произведений, с ковчегом и узкими полями на лицевой стороне. Не лучшее состояние сохранности объясняется древностью святыни, пережившей за шесть столетий многочисленные пожары, войны и катаклизмы, а также многочисленные реставрации, при которых прописывали авторский слой, всякий раз повреждая его. О первой из них, осуществленной в 1636 году игуменом Тихвинского монастыря Герасимом Кремлевым (Черницыным) (уп. 1632–†16.07.1650), повествует рассказ Родиона Сергиева 1640-х годов («Сказание о поновлении чудотворного образа Богородицы» — ОР РНБ. ОЛДП. F. 38. Сборник повестей о Тихвинской иконе Богородицы, XVIII в. Л. 121–122 об.), вошедший в общее Сказание о явлении и чудесах Богородицы Тихвинской. Согласно ему, игумен, будучи «искусным изографом», удрученный «несветлостью» образа, с разрешения государя снял олифу. Но икона скрылась от его взора и объятый страхом настоятель не посмел прикоснуться к древнему письму, ограничившись наложением новой олифы. Однако это опровергают сведения о раскрытии иконы в начале XX века, в процессе которого было обнаружено «искусное письмо времени Михаила Феодоровича, выполненное по старой олифе»; причем древним иконописцем были удалены многочисленные вздуты левкаса и красочного слоя, образовавшиеся во время пожаров. Повторно живопись реставрировалась в середине XVIII века местным иконописцем Т. С. Дураковым, создавшим целый ряд точных списков с чудотворного образа для поднесения членам императорского дома

1 Литературная история текста Сказания и филологический анализ дошедших списков и редакций см.: [Кириллин, 2007].

2 Мы не имели возможности осмотреть икону с оборота и пользуемся фотографией, опубликованной А. Яскинен, единственной исследовательницей, которой удалось обследовать ее во время нахождения в Америке. К сожалению, отпечаток плохого качества [Jääskinen, 1976, с. 16].

и прочим сановникам [Шалина, 2024]. В 1908–1910 годах по ходатайству Комитета попечительства о русской иконописи [Архив ИИМК. Ф. 1. Д. 69. Л. 5 об.] потемневшая и осыпавшаяся живопись реставрировалась непосредственно в монастыре Г. О. Чириковым, который после укрепления снял слои записей XVII–XVIII веков, оставив подробный отчет в дневнике [ОР ГРМ. Ф. 1. Д. 147. Л. 80 об.— 81 об.; Колесникова, 2005]. По словам реставратора, древняя основа была опилена, а авторская живопись имела значительные утраты: вдоль правого плеча Богородицы, на ее лице и руках, четыре больших выпада и несколько мелких осыпей по всей фигуре Спасителя. Разрушение красочного слоя отражало трагическую историю иконы, согласно Сказанию, четырежды спасаемую во время пожаров, а также участвовавшую в ежегодных обрядах омовений святыни и пр.

Очередной раз образ поновлялся в 1949 году по прибытии в США, о чем сообщал архиепископ Иоанн (Гарклавс), а также после возвращения святыни в Тихвинский Успенский монастырь в 2004 году, к сожалению, также не в музейных условиях. В результате живописная поверхность представляет своеобразный палимпсест разновременных напластований, затрудняющих истинное суждение о состоянии авторского слоя. Русская деревянная основа иконы опровергает тексты Сказания о византийском происхождении святыни и ее чудесном воздушном путешествии из Константинополя. Однако сложная техника личного письма, очевидная даже учитывая все его поновления, плотная пастозная многоцветная живопись, где приглушенный колорит с активно выявленным зеленым тоном санкиря и темной охрой моделировки контрастируют с яркими параллельными кинокартинными и белильными движениями на выпуклых участках, подражает классицистическим византийским произведениям третьей четверти — конца XIV столетия (Ил. 2).

В ней еще сохраняются энергичность письма и пронзительность пробелов, дошедших фрагментарно, но первоначально именно они играли важнейшую роль в выявлении светоносности плоти, которую подчеркивает мягко вплавленный обильный румянец. Целый ряд близких стилистических аналогий позволяет связывать памятник с византизизирующим направлением новгородского искусства последней трети XIV века, сформировавшимся в результате возобновления тесных контактов с приезжими греческими мастерами, расписывавшими городские храмы и украшавшими их иконами, что привело к формированию своеобразного местного варианта палеологовского стиля. Наиболее близки Тихвинской Одигитрии лики Богородицы (Ил. 3) и архангела Гавриила на иконе «Благовещение с Федором Тироном» из церкви Бориса и Глеба в Плотниках (НГМ) [Иконы Великого Новгорода, 2008, с. 173–181, кат. № 12]. Их объединяет близкая техника письма путем «отборки» — с хорошо читаемыми, отдельно положенными, не смешивающимися разноцветными мазками разных оттенков охры и киновари, просвечивающими под ними санкирными тенями, а также яркими вспыхивающими красными мазками губ и описей. В результате создается чрезвычайно подвижная система энергичной иллюзионистической живописи,

Ил. 1
Икона Богоматерь Одигитрия Тихвинская. Кон. XIV в.
Новгород. Дерево, темпера. 88,5 × 66. Успенский
собор Большого Тихвинского монастыря

Ил. 2
Лик Богоматери. Деталь иконы. Богоматерь
Одигитрия Тихвинская. Кон. XIV в. Новгород.
Дерево, темпера. 88,5 × 66. Успенский собор
Большого Тихвинского монастыря

Ил. 3
Лик Богоматери. Деталь иконы. Благовещение
с Феодором Тироном. 1360–1370-е. Новгород.
Из церкви Бориса и Глеба в Плотниках. Дерево,
темпера. 202 × 157. Новгородский музей-заповедник

Ил. 4
Лик Христа. Деталь иконы. Успение Богоматери.
1390-е. Новгород. Дерево, темпера. 126 × 92.
Церковь Успения в селе Курицко близ Новгорода.
Новгородский музей-заповедник

подчеркивающей драматургический эффект экспрессивного и одухотворенного движения света.

Такая техника появилась в византийском искусстве в первой половине XIV века, но позже приобрела особую экспрессивную выразительность. Так, на иконе Спаса Вседержителя на лицевой стороне двустороннего образа из Византийского музея в Афинах с ее помощью создается контраст между высветленными и затемненными частями лика, придающий подвижность рельефу и напряженно-драматическое выражение изображениям [Acheimastou-Potamianou, 1998, cat. N 14–15, pp. 56–61]. Наиболее классицистический по форме вариант просветленной телесной красоты известен по храмовой иконе Христа Пантократора 1363 года из одноименного монастыря на Афоне (Гос. Эрмитаж) [Попова, 2013, ил. 374, 375 на с. 396–397] с ясным, полным спокойствия светящимся ликом, преображенным божественным озарением, представленным как веерообразные, исходящие от глаз белильные потоки. Эти приемы письма сохраняются вплоть до начала XV века, примером чего является еще один образ Спаса Вседержителя (Византийский музей, Афины) [Acheimastou-Potamianou, 1998, cat. N 21, pp. 82–61]. Между тем, «Благовещение» и «Одигитрию Тихвинскую» объединяют грузные пропорции приближенных к первому плану фигур и геометризм абрисов, особенно очертаний каймы мафория вокруг ликом Богородицы, а также определенность более однозначных по духовному содержанию образов.

О распространенности такого направления в новгородской иконописи этого времени свидетельствует храмовый образ той же церкви с конными изображениями Бориса и Глеба (НГМ) [Иконы Великого Новгорода, 2008, с. 182–189, кат. №13], явно написанный к моменту ее освящения в 1377 году. Еще более драматической и напряженной живопись становится к концу века, когда появляются такие памятники как «Успение» из одноименной церкви в селе Курицко близ Новгорода (НГМ) [Там же, с. 190–192, кат. №14] (Ил. 4), где экспрессия ликом достигает высокой концентрации и внутренней динамики. О зависимости таких произведений от палеологовского искусства свидетельствует близость ее центрального образа Спасителя изображению Христа на последней из упомянутых выше икон Византийского музея. Наиболее поздним примером византизирующего направления эпохи можно назвать храмовый образ Покровской церкви Зверина монастыря, судя по всему, написанный около 1399 года, к моменту ее освящения (НГМ) [Там же, с. 197–201, кат. №15]. Несмотря на иные композиционные приемы, уменьшенные пропорции фигур с крупными головами, более смягченными и плавными линиями абрисов, предвосхищающих приближение искусства начала XV века, и очень потертую поверхность личного письма, здесь сохраняются отмеченные приемы более ранних памятников. Фрагменты уцелевшего авторского слоя на ликах Богоматери и левого ангела демонстрируют темную санкирную основу и яркую моделировку рельефа с обильным применением красных мазков и насыщенных коротких белильных пробелов, веером расходящихся на высветленных частях лика. Узнается и рисунок черт с характерным натеком на конце носа, как у Богоматери в «Благовещении»,

Ил. 5

Лик святой Марины. Деталь иконы. Святая Марина.
Ок. 1400. Византия. Из церкви Св. Герасима
в Аргостоли (Кефалиния). Дерево, темпера. 114,5 × 78.
Византийский музей, Афины

Ил. 6
 Богоматерь Одигитрия. 1030–1040-е. Мозаики
 северного и южного компартиментов наоса
 кафоликона монастыря Осиос Лукас в Фокиде, Греция

отдельные разнонаправленные цветные линии охрения и горящая киноварь на губах. Между тем, выражение ликов приобретает большую уравновешенность и смягченность.

Все эти параллели позволяют датировать икону Богоматери Одигитрии 1380-ми (или даже скорее 1390-ми годами, что в целом отвечает легендарным сведениям о появлении ее «на Тихвине»), а также связывать ее с работой новгородского мастера, приверженца палеологовских традиций. О более позднем времени создания памятника, принадлежавшего к следующей фазе развития стиля, чем изображения Благовещения и конных Бориса и Глеба, свидетельствует графическая усмиренность и определенная схематизация присущих им приемов письма; сосредоточенность и большая сдержанность одухотворенного художественного образа. Его предельная внутренняя духовная собранность, мотив спокойствия и вслушивания напоминают крупный образ святой Марины из церкви Св. Герасима в Аргостоли (Кефалиния), написанный около 1400 года (Византийский музей в Афинах) [Acheimastou-Potamianou, 1998, cat. N 22, pp. 84–85] (Ил. 5), отличающийся сходной техникой и близкими художественными приемами. Однако на фоне высокого по качеству исполнения константинопольского памятника очевидна определенная провинциальность Тихвинской Одигитрии, упрощенность приемов ее письма, подчеркнутая гиперболизация черт — сильно увеличенные глаза, удлинённый нос, истонченные пальцы крупных рук, по-иконному правильные линии бровей, хрупкая вытянутая шея Богородицы, неестественно укрупненная голова Младенца.

Композиция рассматриваемого произведения относится к одному из поясных вариантов типа Одигитрии Аристерократусы (с Иисусом на левой руке) [Шалина, 2001], но не имеет точных аналогий в византийском искусстве. В силу отсутствия сопровождающего изображение названия, невозможно определить, какой из изводов лег в основу списка: в отличие от византийских произведений, часто снабженных эпитетами топонимического, гимнографического или догматического характера [Tatič-Dgurič, 1977], русские мастера обычно ограничивались лишь именованными монограммами. По классификации М. Татиш-Джурич, положение Богородицы, склонившей голову к сидящему и вполоборота повернувшемуся к ней Младенцу, восходит к типу недошедшего до нас константинопольского образа *Перивленты* [Tatič-Dgurič, 1969], нарушающего строгую иератичность фронтальной схемы и подчеркивающего взаимное общение Матери и Сына. Однако иконы, снабженные таким эпитетом, также отличаются композиционным разнообразием, и в силу утраты самой святыни монастыря Перивлентос (Μονή τῆς Θεοτόκου τῆς Περιβλέπτου) невозможно определить, какие из них отражают ее облик.

К особенностям Тихвинского образа, и впоследствии всех его списков, можно отнести удлиненность силуэта Эммануила со своеобразной формой головы, особенно затылка, высоким лбом и тонкой шеей; открытый остроугольным вырезом красновато-оранжеватый, целиком окутывающий фигуру гиматий, покрытый золотым ассистом; горизонтально поддерживаемый Иисусом на уровне колен запечатанный свиток, размещение благословляющей

Ил. 7

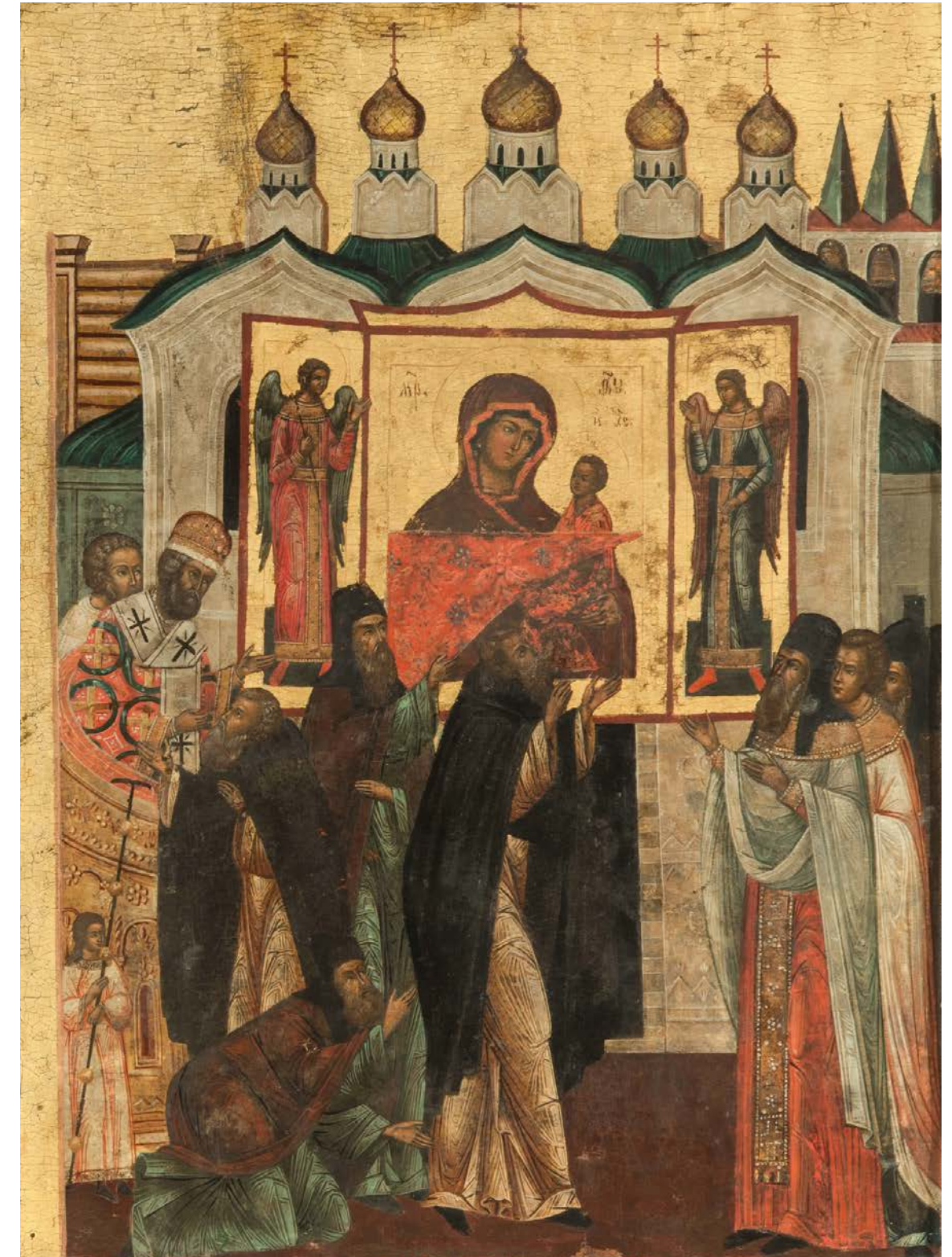
Богоматерь Тихвинская. Вторая четв. XV в. (1430-е). Москва. Икона. Дерево, темпера. 37 × 29. Благовещенский собор Московского Кремля

десницы на уровне каймы глубоко запахнутого мафория Матери. Но главной отличительной приметой все же является поза Христа, подвернувшего правую ножку так, что под складками полностью окутывающего фигуру плаща видна обнаженная и обращенная к предстоящему ступня. Эти характерные устойчивые черты сохраняются памятниками разного времени и составляют основу символического замысла образа.

В искусстве средневизантийского времени можно найти некоторые типологически близкие изображения, но все они лишь частично сходны с Тихвинской иконографией. Прежде всего, это мозаики кафоликона монастыря Осиос Лукас в Фокиде в Греции (1030–1040-е) [Chatzidakis, 1997, il. 31–32], где в люнетах восточных стен южного и северного компартиментов нефа дважды встречается образ поясной Одигитрии (право- и левосторонний) с легким разворотом фигуры Марии и скрещенными ножками Младенца, показывающего обнаженную подошву (Ил. 6). В иконописи одним из наиболее ранних примеров следует назвать мозаичный богородичный образ церкви Греческого Патриархата в Стамбуле (1118–1143?) [Demus, 1991, taf. VIII, cat. N 7, S. 39–42] и исполненное в той же технике изображение из монастыря Св. Екатерины на Синае (ок. 1200 — первая четв. XIII в.) [Byzantium, 2004, cat. N 207, pp. 348–349].

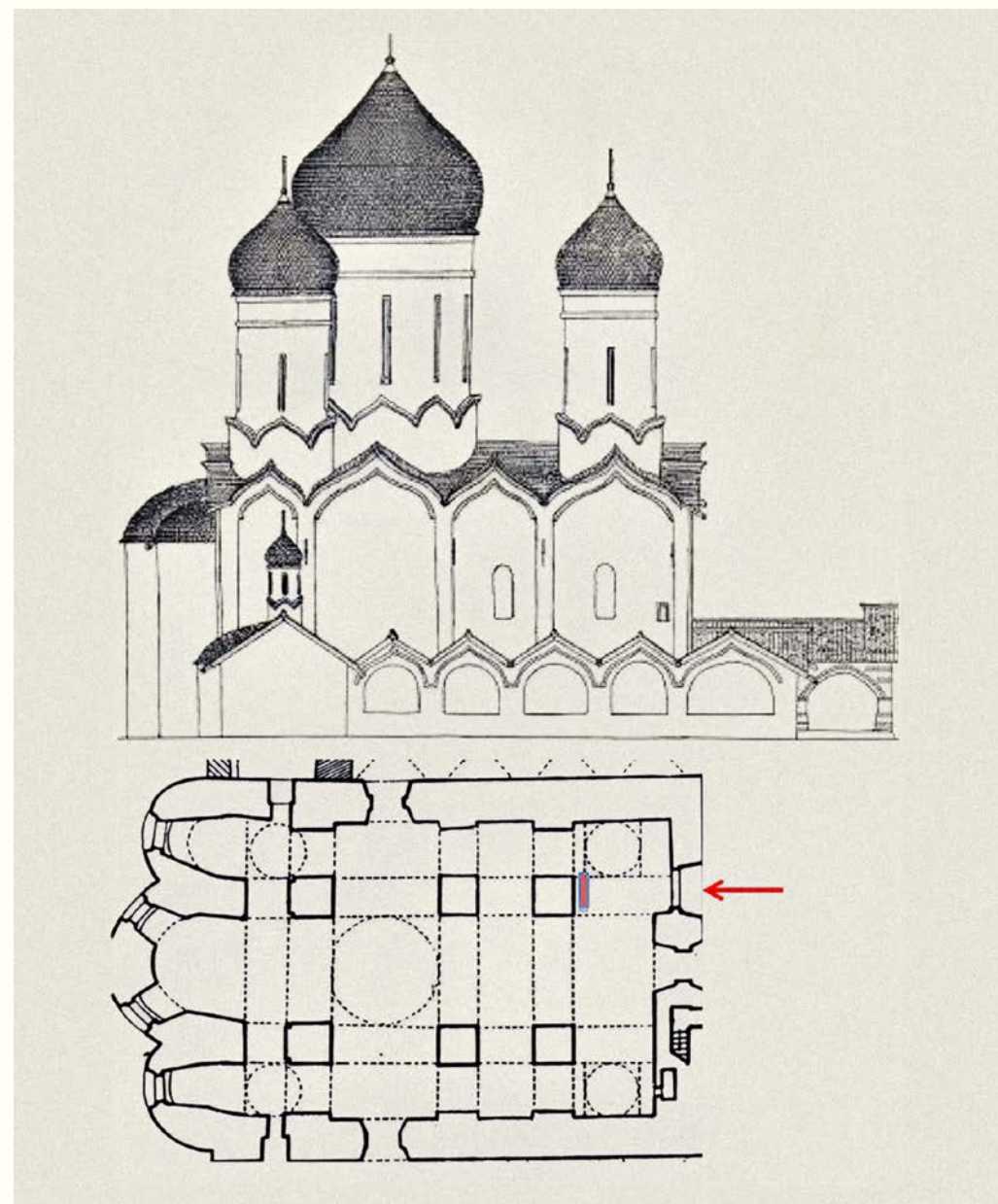
Еще один важный пример распространения иконографии Перивлепты с семантически значимым мотивом подвернутой стопы — плохо сохранившийся образ Богородицы Холмской, написанный около 1200 года, получивший наименование по месту своего прославления в соборе Рождества Богородицы города Холма (ныне Хелм в Польше) (Музей Волынской иконы, Луцк) [Миляева, 2013; Александрович, 2003; Лифшиц, 2015, с. 137–138]. Представленная на нем Одигитрия Дексиократуса (с Иисусом на правой руке) получила в Византии несравненно меньшее распространение, чем зеркальный вариант Аристерократусы, отличающийся к тому же иным положением вертикально сидящего Христа, в то время как извод Холмской передает наклонное положение полулежащего Младенца. Все характерные особенности его иконографии удерживают еще три памятника из собрания монастыря Св. Екатерины на Синае: прежде всего, это большой храмовый образ (74,7 × 52,8) последней четверти XIII века [Mouriki, 1991, pl. 62] и две пядницы того же времени [Mouriki, 1991, pp. 173–174, pl. 13]. Д. Мурики справедливо склоняется к мнению о существовании чудотворной иконы, которая служила моделью для серии этих списков.

Русские произведения рассматриваемого иконографического варианта Перивлепты лишь с XVI века стали ассоциироваться с чудотворным образом Тихвинского монастыря, а до этого времени восходили к византийским архетипам. Одной из таких реплик является небольшая пядница из Благовещенского собора Московского Кремля, исполненная в 1430-х годах [Качалова и др., 1990, с. 67, ил. 198–199] (Ил. 7) и заметно отличающаяся целым рядом важных деталей от святыни, которую тем самым нельзя считать для нее первообразом, тем более что в это время она не была известна за пределами далекого от столицы погоста.

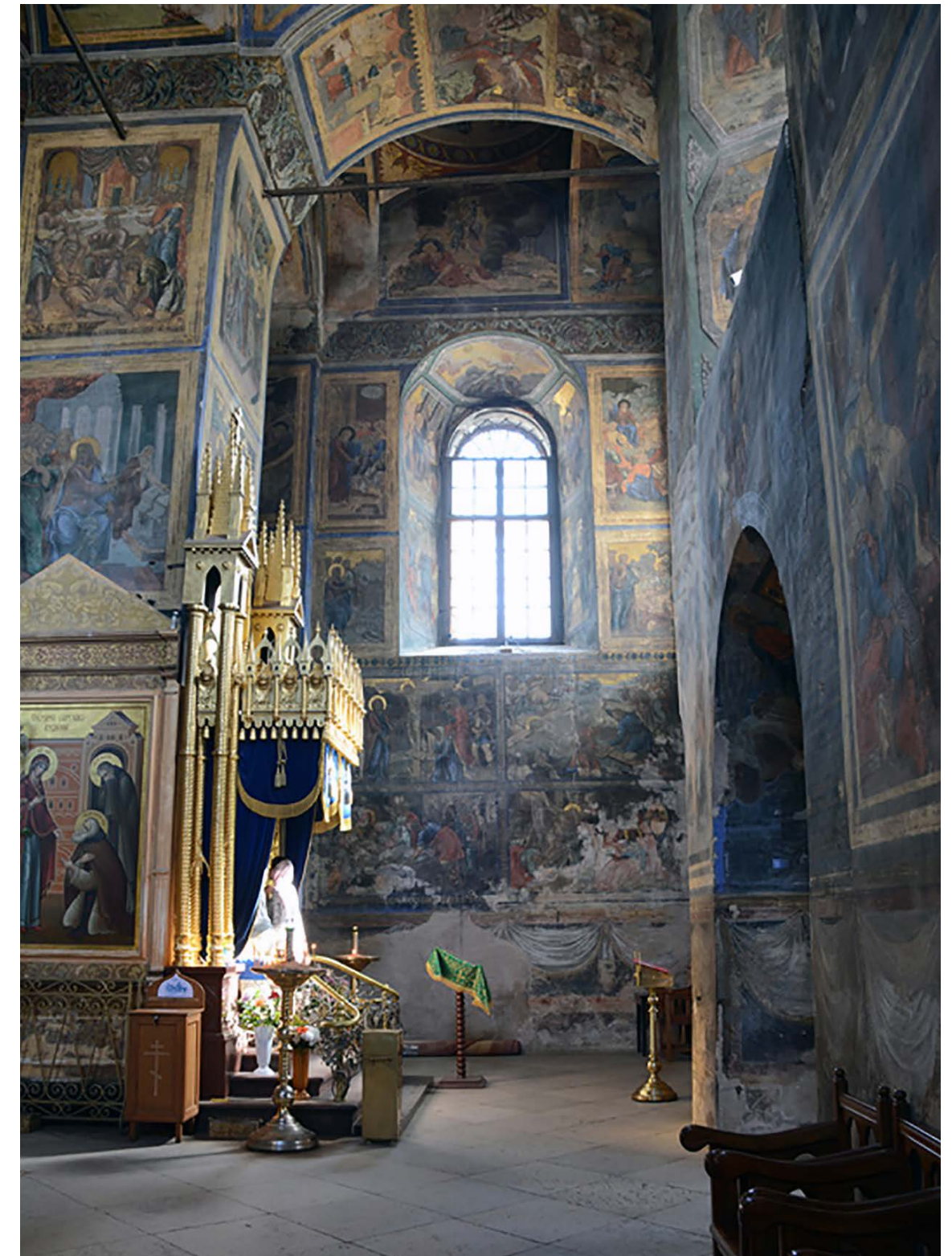

Ил. 8

Родион Сергиев. Поклонение иконе Богородицы Тихвинской архиепископа Пимена (1560). 1660. Четырехчастная икона. Фрагмент. Не раскрыта. Дерево, темпера. 152 × 115 × 5. Из паперти Успенского собора Тихвинского монастыря. Государственный Русский музей, Санкт-Петербург

Ил. 9
Успенский собор Тихвинского монастыря. 1507–1515.
План и северный фасад. Реконструкция облика
А. Н. Милорадовича

Ил. 10
Юго-западный компартимент Успенского собора
Тихвинского монастыря. Вид на киот с чудотворной
иконой Богородицы

Как и многим богородичным изводам, относящимся к схеме Перивлепты, Тихвинской иконе присуща страстная символика, усиленная и скрещенными ножками Эммануила — как образа пасхального агнца, и его обнаженной стопой, напоминающей о глубочайшем смирении, и его киноварными жертвенными одеяниями. Главную примету изображения обычно связывают с Едемским обетованием о вражде змия и семенем жены: «*оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пяту*» (Быт. 3:15), оправдавшимся на поправшем смерть Иисусе [Сидоренко, 1996]. На наш взгляд, важнее она выглядит в контексте теофанического видения Моисея, во имя святости места явления снявшего обувь свою (Исх. 3:5), что передают византийские изображения, акцентирующие внимание на обнаженной ступне пророка. Эту идею поддерживает и необычный для одеяния Младенца красно-оранжевый гиматий, напоминающий цвет плаща пророка Моисея в сценах получения им скрижалей Завета или видения Неопалимой Купины. Более того, настойчивым сравнением Тихвинской иконы с ветхозаветной Купиной — горящим и несгораемым терновым кустом — пронизан весь текст «Сказания»: и в рассказе о чудесном спасении ее от трехкратных пожаров — особенно в случае сохранения в можжевелевом кусте, и в рассуждениях автора о безвредном для святости действии огня, и, наконец, в прямом уподоблении ее библейскому образу. В этой связи не лишним будет вспомнить о многочисленных чудесах Тихвинской иконы, являвшейся то на огненном столпе, то среди светового потока, безусловно, навеянных историей Исхода и пророческими видениями Моисея. Судя по всему, иконография отражала представления об Иисусе как Новом Моисее, передающем человечеству в лице Марии Новый Завет с Богом.

Обнаженная стопа Христа, напоминающая о глубочайшем смирении, связана с евангельским рассказом об омовении ног ученикам накануне своих Страстей. Неслучайно в Великий Четверг, когда богослужение воскрешает это событие, согласно уставу Тихвинского монастыря, в Успенском соборе происходил обряд омовения чудотворной иконы [Бередников, 1888, с. 97], а собранная святая вода раздавалась верующим и отвозилась в царский дворец в Москву. Важно, что все переписные книги, подробно рассказывающие о ее драгоценном уборе, специально отмечают киноварную ткань, которая прикрывала нижнюю часть с телом Иисуса и его обнаженную стопу как важнейшую святыню. Такая завеса (энхерион), будучи характерной особенностью именно Тихвинской иконы, известна по целому ряду миниатюр, иллюстрирующих тексты Сказания [РНБ. ОЛДП. F. 38. — Воспр.: Книга, 2004], и посвященных им живописных циклов второй половины XVII века. Слегка отдернутой шторка показана во время целования пяточки Христа в сценах царского и владычного поклонения образу на четырехчастной иконе Родиона Сергиева 1660 года (Ил. 8)³. Следует думать, что образ, потаенный энхерионом в обычное время, приоткрывали в отдельных

3 ГРМ. Инв. № ДРЖ 2664. Размеры: 152 × 115 [Пречистому образу, 1995, кат. № 131, с. 208–209].

Ил. 11
Икона. Богоматерь Тихвинская, с 20 клеймами протоевангельского цикла. Нач. XVI в. (1515?). Новгород. Из Мало-Кириллова монастыря в Новгороде. Дерево, темпера. 143,5 × 101. Новгородский музей-заповедник

случаях — специально для поклонения и лобзания, а потом его вновь задерживали тканью.

До начала XVI века сведений о почитании иконы, остававшейся неизвестной вне тихвинских пределов, не обнаружено. Прославление ее начинается вскоре после литературной обработки Сказания на рубеже XV–XVI веков и строительства в 1507–1515 годах по указу и на средства Василия III, ставшего великим князем (1505), каменного Успенского собора [ПСРЛ, 1841, с. 247]. До сих пор причины, побудившие возвести в далеком от центра погосте, не имевшем ни военного, ни градозащитного значения, грандиозное по размерам пятикупольное сооружение, не очевидны. Тем более что его посвящение и облик уподоблялись главному храму Руси, строительство велось присланным из Москвы итальянским архитектором, а осуществлялось подрядчиком Дмитрием Сырковым — известным «московским гостем», переведенным на жительство в Новгород. Возможно, это было связано с усиленным молением Василия III о чадородии, поскольку заключенный в 1505 году брак с Соломонией Сабуровой оставался бездетным. Однако можно без сомнений утверждать, что собор изначально задумывался как своеобразный реликварий для чудотворной иконы, что подчеркивает летописец: «повелением государя и великого князя Василия Ивановича всея России... и благословением московского митрополита Варлаама... для поставления в ней иконы» [ПСРЛ, 1929, с. 539–540]. То есть собор уподоблялся образу главного кафедрала Руси, хранившего икону Владимирской Богоматери, палладиум и покровительницу Московского царства.

Это подтверждает необычное пространственное решение собора [Седов, 2001], продиктованное необходимостью расположить икону в определенном месте — на западной грани юго-западного столпа (Ил. 9) — подобно Влахернскому образу в Константинополе, с которым впоследствии Сказание отождествляло «прилетевшую» на «Тихвину» Одигитрию. Однако к началу XVI века такой традиции уподобления еще не существовало и какие представления лежали в основе столь необычного местоположения святыни, также остается неясным. Но лишь осознанным желанием разместить ее именно на этой грани столпа объясняется широко «расставленное» пятиглавие с сильно сдвинутыми к западу боковыми главами, потребовавшимися для дополнительного освещения компартимента над киотом с иконой; а также большая ширина западного нефа, предназначенного для многочисленных поклоняющихся и для богатого обрамления образа (Ил. 10).

Не исключено, что храмовым образом последнего деревянного собора, согласно Сказанию, срубленного в 1500 году и вскоре сгоревшего, или уже заменившего его каменного, является икона Одигитрии, окруженная двадцатью клеймами протоевангельского цикла, поступившая в Новгородский музей из пригородного Мало-Кириллова монастыря (НГМОЗ) [Иконы Великого Новгорода, 2008, кат. № 62, с. 392–402] (Ил. 11).

Изображение в среднике «в меру и подобие» Тихвинской является самым ранним и точным повторением святыни. Наше предположение подкрепляется описями Кириллова монастыря, где подобная икона не упоминается.

Ил. 12

Богоматерь Тихвинская. Ок. 1515. Подвесная шитая пелена чудотворного образа. Москва. Мастерская Соломонии Сабуровой. Вклад Василия III в Успенский собор Тихвинского монастыря. Камка, шелковые, золотные и серебряные нити. 80,2 × 61. Государственный Русский музей, Санкт-Петербург

К тому же, образ в начале XVI века все еще оставался местночтимым, и вряд ли можно допустить его широкое распространение в Новгороде. В пользу раннего времени его создания говорит и окружающий средник протоевангельский цикл, а не сцены Сказания, тогда еще только оформлявшегося как литературный памятник. Скорее всего, образ оказался в Кирилловом монастыре в позднее время, когда уже давно не востребованная храмовая икона Успенского собора (ее еще в 1678 году заменили известным образом Родиона Сергиева [Мильчик, Шалина, 1996]) была передана в эту небольшую и обедневшую обитель.

Изображение в среднике копирует композиционные приметы чудотворной иконы, в том числе расположение правой руки Младенца, благословляющей на линии каймы мафория, в то время как в более поздних догрозненских копиях она поднята выше к левому плечу Богородицы. Надо думать, таким же был не дошедший до нас образ «в меру и подобие» чудотворного, написанный в начальный период почитания иконы для Василия III и помещенный в придворный Благовещенский собор Московского Кремля.

Поскольку храм возводился по воле Василия III, естественно предполагать, что и убранство чудотворной иконы «устраивалось» великокняжеской казной. Отсутствие ранних переписных книг не позволяет его реконструировать, но от него уцелела драгоценная шитая пелена с лицевым изображением Богородицы Тихвинской (Ил. 12), идентифицированная нами по описям собора XVII века: в древности ее обрамляли поля с фигурами святых. Судя по художественным особенностям, исполнена она в светлицах Соломонии Сабуровой к моменту освящения каменного здания (1515) или вскоре после этого события⁴. Тем самым буквально за четверть столетия икона, имевшая до того времени исключительно местное почитание, приобретает статус государственно значимой чудотворной святыни. Прославление ее происходило не в Новгороде, а при московском великокняжеском дворе, где к началу XVI века она получила широкую известность, а само место явления вскоре стало местом царского богомолья.

Второй этап прославления святыни и соответственно создания списков наступил после зимы 1526 года, когда великий князь Василий III совершил паломничество к чудотворной иконе Одигитрии с молением о «даровании плода чрева» [ПСРЛ, 1929, с. 542–543], поскольку второй брак с Еленой Глинской также оставался бесплодным. Паломничество к чудотворному образу расширяло маршруты «княжеских богомольных объездов» монастырей, где у мощей русских чудотворцев супруги вымаливали появление на свет наследника. Новые направления, в том числе в том же году «поход» государя в Можайск к резной статуе святителя Николая, явно продумывал и готовил для Василия III бывший архимандрит можайского Лужецкого монастыря архиепископ Макарий, не без участия великого князя занявший новгородскую кафедру в марте того же года. Благодаря его духовному влиянию

4 ГРМ. Инв. № ДРТ 35. Размеры: 80,2 × 61 [Шалина, 2020].

Ил. 13

Богородица Тихвинская. Вторая четв. XVI в. Новгород. Икона. Дерево, темпера. 110,8 × 88,8. Галерея Темпла, Лондон

Ил. 14

Богоматерь Тихвинская, с 16 клеймами Сказания об иконе. Ок. 1547. Новгород (?) Икона. Дерево, темпера. 142×117. Из Благовещенского собора Московского Кремля. ГМЗМК

Ил. 15

Богоматерь Тихвинская с протоевангельским циклом и избранными святыми. Вторая четв. XVI в. Новгород. Икона. Собрание К. В. Воронина, Москва

утверждалась слава не только резного образа, но и Тихвинской святыни, находившейся в непосредственной юрисдикции Макария. Сказание подчеркивает, что великий князь «колени свои преклоняет, и с умилением молитвы и моления и обеты свои воздав Богородице, и икону любезно поцеловав, опять возвратился на свой державный царский престол». После этой поездки стремительно растет слава иконы и появляются ее первые списки, она прочно входит в пантеон наиболее чтимых русских святынь, став объектом великокняжеского, а затем царского почитания.

К этому времени относится увеличенная пядница с Троицей Ветхозаветной, архангелами, апостолами Петром и Павлом и святителями на полях из Успенского собора Московского Кремля⁵, которую отличают характерные для многих повторений второй четверти — середины XVI века особенности. В близкое время была написана чуть меньшая, чем «в меру» храмовая икона местного ряда иконостаса церкви Ризоположения Московского Кремля⁶. Теми же чертами и пропорциями обладает икона неизвестного происхождения из собрания Р. Темпла [Temple, 2005, cat. N 14, pp. 68–71] (Ил. 13). Желание иметь в Кремле точные списки святыни подтверждает известие о снятии по великокняжескому указу копий: «Да присылал князь великий Василей Иванович ко Пречистой на Тихвину иконников своих. <...> И они учили снимать ее образ: класти ярь [з?] зелием на бумагу и бумагу прикладывати... И Пречистыя образа своего не дала снять. Да присылал Иван Васильевич иконников своих... И они снимали на нее смотря, по подобию. И она ся и дала снять, и списали» (РГБ. Собр. Н. П. Румянцева. № 459. Л. 521–521 об.).

Видимо, после паломничества Василия III в Успенском соборе Тихвинского монастыря появилось первое изображение иконы, окруженной циклом Сказания. Поводом так думать служит рама с 16 клеймами, иллюстрирующая этот литературный источник и поставленная напротив царского места в домово́й Благовещенской церкви после пожара 1547 года⁷ (Ил. 14). Ее сделали для упомянутого выше раннего списка, видимо, появившегося там около 1515 года. Особое место на ее нижнем поле отведено сцене моления перед Тихвинским образом Василия III и его юного сына Иоанна, митрополита Макария и всего православного «народа». Особенности письма свидетельствуют об ориентации на более ранний образец, причем новгородского по стилю памятника, да и выдвижение на первый план самого Василия Иоанновича, к тому моменту умершего (1533), говорит о том, что прототипом было произведение его эпохи. Последним мог быть лишь не дошедший до нас храмовый образ Тихвинского собора, более чем вероятно, написанный после событий 1526 года новгородским иконником.

С заступничеством чудотворной иконы связывали появление на свет долгожданного наследника — будущего Иоанна IV. Отзвуком на это событие,

⁵ ГММК. Размеры: 41,2 × 33,5 [Иконы Успенского собора, 2016, кат. № 8, с. 168–179].

⁶ ГММК. Инв. № Ж-449/1–2. Размеры: 75,3 × 58,8 [Хранители времени, 2019, кат. № 36, с. 99–203].

⁷ ГМЗМК. Инв. № Ж-1282. Размеры: 141,5 × 117 [Качалова и др., 1990, с. 64–65, 78].

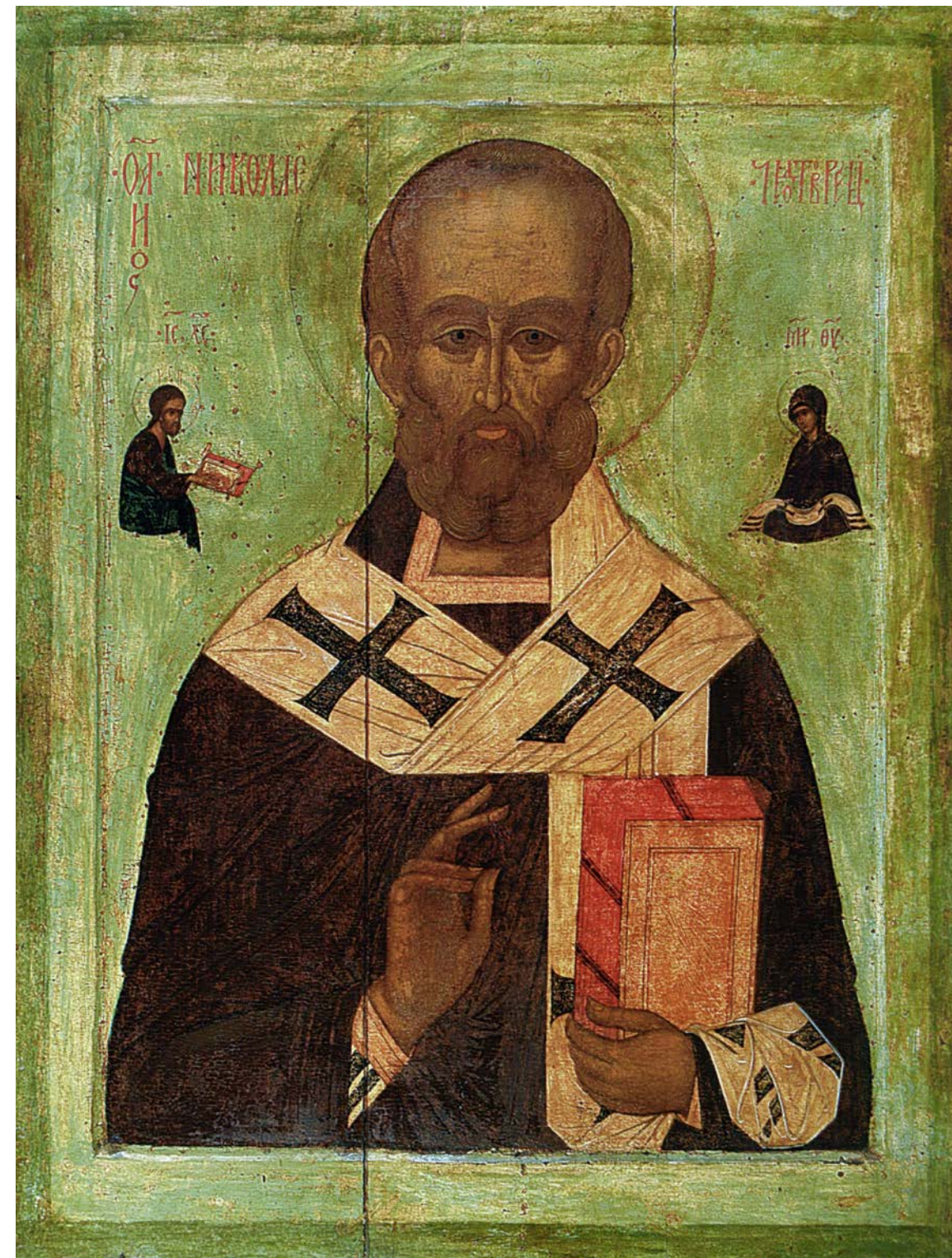

Ил. 16

Николай Чудотворец, с текстами молитв. 1911. Пелена. Из Тихвинского монастыря. Фотография. Российский этнографический музей, Санкт-Петербург

Ил. 17

Свят. Николай Чудотворец. Вклад 1644 года М. Я. Черкаского в Успенский собор Тихвинского монастыря. Шитая пелена. Атлас, шитье шелковыми, золотными и серебряными пряженными нитями. 70 × 55. Сергиево-Посадский музей-заповедник

Ил. 18–19

Богоматерь Тихвинская и Николай Чудотворец.
 Ок. 1554. Москва. Иконы. Дерево, темпера. 102×72.
 Из Успенского собора в Дмитрове. Центральный
 музей имени Андрея Рублева, Москва

а также на возведение его в 1533 году на великое княжение, которое пришлось на 6 декабря (на «зимнего Николу»), служит новгородское изображение Одигитрии с протоевангельским циклом из собрания К. В. Воронина (Москва) [Саенкова, 2017, с. 54–66], сочетающее в среднике образ Богородицы с увеличенными фигурами святителя Николая (слева) и Иоанна Предтечи (справа), небесного патрона Грозного (Ил. 15).

Все возрастающее почитание святыни демонстрирует история паломничества юного государя «на Тихвину», совершенного им в конце ноября 1546 года перед своим венчанием на царство, когда Иоанн IV отправился испрашивать поддержки чудотворного образа. Подготовкой этой поездки, как и самого ритуала, вновь занимался владыка Макарий, с 1542 года ставший митрополитом всея Руси. С этого времени в прославлении Одигитрии Тихвинской усиливается мотив ее покровительства династии и делам государства в целом, в ней видят подтверждение богоизбранности возвышающегося православного царства.

Благословением на царский титул Грозный рассматривал свое моление не только перед образом Богородицы, но и висевшей рядом с ней на одном столпе чтимой в монастыре древней иконы Николая Чудотворца, иконография которого в ту эпоху также принимает официальной-парадный дворцовый характер. О его расположении на южной грани — по правую руку от святыни — свидетельствуют переписные и вкладные книги монастыря, неизменно подчеркивающие особое благоговейное отношение к образу святителя. О его облике отчасти можно судить по найденной нами фотографии подвесной пелены⁸ (Ил. 16). Между 1660 и 1665 годами князь Я. К. Черкасский вложил эту пелену вместе с аналогичной лицевой подией к самой Одигитрии. Запечатленный на ней образ чудотворца позволил идентифицировать его с произведением из собрания Сергиево-Посадского музея-заповедника, поступившим туда во время войны⁹ (Ил. 17).

Царская поездка способствовала широкому распространению списков «в меру и подобие» в столичной среде. Причем нередко это были парные образы со святителем Николаем, что, на наш взгляд, вызвано совместным почитанием двух тихвинских икон. Одни из них были написаны кремлевским мастером и вложены Иоанном Грозным в Успенский собор Дмитрова в 1548 или 1553 году¹⁰ (Ил. 18–19).

Особенность почитания святыни, явленной в 1383 году в далеких от Москвы обонежских землях, — это сохранение ее на этом месте вплоть до событий 1941 года. В отличие от других чудотворных икон, ни один из самодержцев не предпринимал попыток перенести ее (даже на краткое время) в столицу. За Тихвинским погостом, впоследствии монастырем, благоговейно сохраняли значение священного места, мистически выбранного самой Богородицей для хранения и поклонения ее иконе. Этим и следует объяснять

особое отношение государей к самой святыне и ее реликвию. Царские посещения Тихвина становятся важнейшим топом летописей, Сказания о Богородице Одигитрии и других сочинений об иконе, неизменно отмечавших их покровительство, а иллюстрирующие эти тексты живописные произведения с тем же постоянством включали сцены их моления во все, даже наиболее краткие, лицевые циклы ее чудес.

8 РЭМ. Отдел фотографий. Инв. № 2792–2/1. Поступила в 1919 году. В инвентаре музея записана как: «Пелена церковная из Тихвинского Успенского монастыря».

9 СПМЗ. Инв. 4919-ИХО, КП ИХО 10041. Размеры: 70 × 55 [Шалина, 2022, с. 183–204].

10 ЦМиАР. Размеры: 102 × 72 [Иконы XIII–XVI веков, 2007, кат. № 67, с. 384–388].

Источники

Архив ИИМК. Ф. 1. Д. 69.
ОР ГРМ. Ф. 1. Д. 147.
РГБ. Собр. Н. П. Румянцева. №459. Середина XVII века.
РНБ. ОЛДП. Ф. 38.
РЭМ. Отдел фотографий. Инв. №2792–2/1.

Библиография

(1841). *ПСРЛ. Т. 3. Новгородские летописи*. СПб.: Типография Эдуарда Праца.
(1929). *ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 3. Новгородская IV летопись*. Л.: Издательство Академии наук СССР.
(1995). «Пречистому образу Твоему поклоняемся...». *Образ Богоматери в произведениях из собрания Русского музея* / вступ. статьи Т. Вилинбахова, И. Плешанова. СПб.: Palace Edition.
(2004). *Книга об иконе Богоматери Одигитрии Тихвинской* / предисл., пер., коммент. Е. В. Крушельницкой. СПб.: Русская симфония.
(2007). *Иконы XIII–XVI веков в собрании Музея имени Андрея Рублева* / сост. Л. М. Евсеева. М.: Северный паломник.
(2008). *Иконы Великого Новгорода XI — начала XVI века*. М.: Северный паломник.
(2016). *Иконы Успенского собора Московского Кремля. Вторая половина XV–XVI век*. М.: Изд. Московского Кремля.
(2019). *Хранители времени. Реставрация в Музеях Московского Кремля*. М.: Московский Кремль.
Александрович, В. (2001). *Холмська ікона Богородиці* // Історичні та культурологічні студії. Т. І. Львів.
Бередников, Я. И. (1888). *Историко-статистическое описание первоклассного Тихвинскаго Богородицкаго Большого мужскаго монастыря, состоящего в Новгородской епархии в г. Тихвине*. СПб.: Изд. Тихвинского Большого монастыря.
Качалова, И. Я., Маясова, Н. А., Щенникова, Л. А. (1990). *Благовещенский собор Московского Кремля. К 500-летию уникального памятника русской культуры*. М.: Искусство.
Кириллин, В. М. (2007). *Сказание о Тихвинской иконе Богоматери «Одигитрия»*. Литературная история памятника до XVII века. Его содержательная специфика в связи с культурой эпохи. *Тексты*. М.: Языки славянских культур.
Колесникова, Л. А. (2005). *Об истории реставрации чудотворной иконы Богоматери Тихвинской* // Искусство христианского мира // Сб. статей. М.: ПСТГУ. Вып. IX. С. 383–370.
Лифшиц, Л. И. (2015). *Живопись второй половины XII века* // История русского искусства, в 22 т. Т. 2, Ч. 2: Искусство второй половины XII века / отв. ред. Л. И. Лифшиц. М.: Северный паломник.
Мильчик, М. И., Шалина, И. А. (1996). *Икона «Богоматерь Тихвинская» с 24-мя клеймами чудес и ее автор Родион Сергиев* // Памятники Культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1994. М.: Наука. С. 181–196.
Миляева, Л. С. (2013). *Чудотворная икона «Богоматерь Холмская». Судьба шедевра* // Страницы истории отечественного искусства. Сборник статей, посвященных памяти художника-реставратора Н. В. Перцева

(1902–1981). Вып. XXIII. СПб.: Государственный Русский музей. С. 56–81.
Попова, О. С. (2013). *Пути византийского искусства = Paths of Byzantine Art*. М.: Гамма-пресс.
Саенкова, Е. М. (2017). *Икона «Богоматерь Тихвинская с протоевангельским циклом и святыми» второй четверти XVI века из собрания Константина Воронина* // Собрание Константина Воронина. Иконы. Художественный металл. XIII–XVI века. М.: ЦМиАР. С. 54–66.
Седов, Вл. В. (2001). *Успенский собор Тихвинского монастыря — реликварий чудотворной иконы: Особенности архитектурного типа* // Чудотворная икона Тихвинской Богоматери: иконография — история — почитание. Тез. докладов межд. науч. конф. Санкт Петербург–Тихвин 24–27 октября / ред.-сост. И. А. Шалина. СПб.: без изд. С. 41–42.
Сидоренко, Г. (1996). *Пята Спасителя* // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М.: Мартис. С. 321–335.
Шалина, И. А. (2001). *Иконография иконы Богоматери Тихвинской и ее символический замысел* // Чудотворная икона Тихвинской Богоматери: иконография — история — почитание. Тез. докладов науч. конф. СПб. С. 35–37.
Шалина, И. А. (2020). *Древнейшая подвесная лицевая пелена чудотворной иконы Богоматери Тихвинской и прославление монастырской святыни* // Вестник сектора древнерусского искусства. Журнал по истории древнерусского искусства. Вып. 4. М.: Гос. институт искусствознания. С. 129–145.
Шалина, И. А. (2022). *Лицевые пелены XVII века в убранстве Успенского собора Тихвинского монастыря* // XXVI Научные чтения памяти Ирины Петровны Болотцевой (1944–1995): Сборник статей. Ярославль: Ярославский художественный музей. С. 183–204.
Шалина, И. А. (2023). *Тихвинская икона Божией Матери* // Православная энциклопедия. Т. LXVIII. Тейяр де Шарден — То / под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. М. С. 315–373.
Шалина, И. А. (2024). *Мерные списки чудотворной Тихвинской иконы во второй четверти XVIII века* // XXVIII Научные чтения памяти Ирины Петровны Болотцевой (1944–1995): Сборник статей. Ярославль: Ярославский художественный музей. С. 251–271.
(2004). *Byzantium. Faith and Power (1261–1557)* / Ed. by Helen C. Evans. New York.
Acheimastou-Potamianou Myrtali (1998). *Icons of the Byzantine Museum of Athens*. Athens: Epirinonia.
Chatzidakis, N. (1997). *Hosios Loukas*. Athens: Melissa.
Demus, O. (1991). *Die byzantinischen Mosaikikonen. Bd. 1: Die Crossgormatige Ikonen*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
Jääskinen, A. (1976). *The Icon of the Virgin of Tikhvin. A study of the Tikhvin Monastery Palladium in the Hodegitria Tradition*. Helsinki: Julkaisuvuosi.
Mouriki, D. (1991). *Variants of the Hodegetria on two Thirteenth-Century Sinai Icons* // Cahiers Archeologiques. Vol. 39. Pp. 153–182.
Tatič-Dgurič, M. (1969). *Икона Богородице «Прекрасне», њено порекло и распрострањеност* // Зборник Светозара Радојчића, Београд. С. 335–354.
Tatič-Dgurič, M. (1977). *Икона Богородице Знамења, в Зборник Матице српске за ликовне уметности* // Нови Сад. Вып. 13. С. 3–27.
Temple, R. (2005). *Masterpieces of Early Christian Art and Icons*. London: The Temple Gallery.

Список иллюстраций

Ил. 1. Икона. Богоматерь Одигитрия Тихвинская. Кон. XIV в. Новгород. Дерево, темпера. 88,5×66. Успенский собор Большого Тихвинского монастыря
Ил. 2. Лик Богоматери. Деталь иконы. Богоматерь Одигитрия Тихвинская. Кон. XIV в. Новгород. Дерево, темпера. 88,5×66. Успенский собор Большого Тихвинского монастыря
Ил. 3. Лик Богоматери. Деталь иконы. Благовещение с Феодором Тироном. 1360–1370-е. Новгород. Из церкви Бориса и Глеба в Плотниках. Дерево, темпера. 202×157. Новгородский музей-заповедник, Инв. №ДРЖ-2178
Ил. 4. Лик Христа. Деталь иконы. Успение Богоматери. 1390-е. Новгород. Дерево, темпера. 126×92. Церковь Успения в селе Курицко близ Новгорода. Новгородский музей-заповедник. Инв. №ДРЖ №149
Ил. 5. Лик святой Марины. Деталь иконы. Святая Марина. Ок. 1400. Византия. Из церкви Св. Герасима в Аргостоли (Кефалления). Дерево, темпера. 114,5×78. Византийский музей, Афины. Источник изображения — URL: https://diomedes2.livejournal.com/1314540.html (дата обращения: 22.08.2024)
Ил. 6. Богоматерь Одигитрия. 1030–1040-е. Мозаики северного и южного компартиментов наоса кафоликона монастыря Осииос Лукас в Фокиде, Греция. Источник изображения — Chatzidakis N. *Hosios Loukas*. Athens: Melissa., 1997, il. 31–32
Ил. 7. Богоматерь Тихвинская. Вторая четв. XV в. (1430-е). Москва. Икона. Дерево, темпера. 37×29. Благовещенский собор Московского Кремля. ГММК. Инв. №ДРЖ 1539, 5382 соб. Источник изображения — Качалова И. Я., Маясова Н. А., Щенникова Л. А. *Благовещенский собор Московского Кремля. К 500-летию уникального памятника русской культуры*. М.: Искусство, 1990. С. 67, ил. 198–199
Ил. 8. Родион Сергиев. Поклонение иконе Богоматери Тихвинской архиепископа Пимена (1560). 1660. Четырехчастная икона. Фрагмент. Не раскрыта. Дерево, темпера. 152×115×5. Из паперти Успенского собора Тихвинского монастыря. Государственный Русский музей, Санкт-Петербург. Инв. №ДРЖ 2864
Ил. 9. Успенский собор Тихвинского монастыря. 1507–1515. План и северный фасад. Реконструкция облика А. Н. Милорадовича
Ил. 10. Юго-западный компартимент Успенского собора Тихвинского монастыря. Вид на киот с чудотворной иконой Богоматери. Фото автора
Ил. 11. Икона. Богоматерь Тихвинская, с 20 клеймами протоевангельского цикла. Нач. XVI в. (1515?). Новгород. Из Мало-Кириллова монастыря в Новгороде. Дерево, темпера. 143,5×101. Новгородский музей-заповедник. Инв. №ДРЖ-1079
Ил. 12. Богоматерь Тихвинская. Ок. 1515. Подвесная шитая пелена чудотворного образа. Москва. Мастерская Соломонии Сабуровой. Вклад Василия III в Успенский собор Тихвинского монастыря. Камка, шелковые, золотные и серебряные нити. 80,2×61. Государственный Русский музей, Санкт-Петербург. Инв. №ДРТ 35
Ил. 13. Богоматерь Тихвинская. Вторая четв. XVI в. Новгород. Икона. Дерево, темпера. 110,8×88,8. Галерея Темпла, Лондон. Источник изображения — Temple R. *Masterpieces of Early Christian Art and Icons*. London: The Temple Gallery, 2005, cat. N 14. Pp. 68–71
Ил. 14. Богоматерь Тихвинская, с 16 клеймами Сказания об иконе. Ок. 1547. Новгород (?). Икона. Дерево,

темпера. 142×117. Из Благовещенского собора Московского Кремля. ГМЗМК. Инв. №Ж-1282. Источник изображения — Качалова И. Я., Маясова Н. А., Щенникова Л. А. (1990). *Благовещенский собор Московского Кремля. К 500-летию уникального памятника русской культуры*. М.: Искусство, 1990. С. 64–65, 78
Ил. 15. Богоматерь Тихвинская с протоевангельским циклом и избранными святыми. Вторая четв. XVI в. Новгород. Икона. Собрание К. В. Воронина, Москва
Ил. 16. Николай Чудотворец, с текстами молитв. 1911. Пелена. Из Тихвинского монастыря. Фотография. Российский этнографический музей, Санкт-Петербург. Отдел фотографий. Инв. №2792–2/1
Ил. 17. Свят. Николай Чудотворец. Вклад 1644 года М. Я. Черкасского в Успенский собор Тихвинского монастыря. Шитая пелена. Атлас, шитье шелковыми, золотными и серебряными пряденными нитями. 70×55. Сергиево-Посадский музей-заповедник
Ил. 18–19. Богоматерь Тихвинская и Николай Чудотворец. Ок. 1554. Москва. Иконы. Дерево, темпера. 102×72. Из Успенского собора в Дмитрове. Центральный музей имени Андрея Рублева, Москва. Источник изображения — *Иконы XIII–XVI веков в собрании Музея имени Андрея Рублева* / сост. Л. М. Евсеева. М.: Северный паломник, 2007. Кат. №67. С. 384–388

References

(1841). *PSRL. T. 3. Novgorodskie letopisi* [PSRL. Vol. 3. Novgorod Chronicles]. SPb.: Eduarda Pratsa Publ. [In Russ.]

(1929). *PSRL. T. 4. CH. 1. Vyp. 3. Novgorodskaya IV letopis'* [PSRL. Vol. 4. Part 1. Is. 3. Novgorod IV Chronicle]. L.: Academy of Sciences SSSR. [In Russ.]

(1995). *"Prechistomu obrazu Tvoemu poklonyaemsa..."*. *Obraz Bogomateri v proizvedeniyah iz sobraniya Russkogo muzeya* ["We worship Your most pure image..." The image of the Mother of God in works from the collection of the Russian Museum]. Entry articles by T. Vilinbakhov, I. Pleshanov. St. Petersburg: Palace Edition. [In Russ.]

(2004). *Byzantium. Faith and Power (1261–1557)* / Ed. by Helen C. Evans. New York.

(2004). *Kniga ob ikone Bogomateri Odigitrii Tihvinskoj* [Book about the icon of the Mother of God Hodegetria of Tikhvin] / Preface, trans., commentary. E. V. Krushelnitskaya. St. Petersburg: Russian Symphony. [In Russ.]

(2007). *Ikony XIII–XVI vekov v sobranii Muzeya imeni Andreya Rubleva* [Icons of the 13th–16th centuries in the collection of the Andrei Rublev Museum] / Ed. L. M. Evseeva. M.: Northern Pilgrim, Severnyi palomnik. [In Russ.]

(2008). *Ikony Velikogo Novgoroda XI — nachala XVI veka* [Icons of Great Novgorod from the 11th to early 16th centuries]. M.: Northern Pilgrim. [In Russ.]

(2016). *Ikony Uspenskogo sobora Moskovskogo Kremlya. Vtoraya polovina XV–XVI vek* [Icons of the Assumption Cathedral of the Moscow Kremlin. Second half of the 15th–16th centuries]. M.: Moscow Kremlin Publ. [In Russ.]

(2019). *Hraniteli vremeni. Restavraciya v Muzeyah Moskovskogo Kremlya* [Keepers of time. Restoration in the Moscow Kremlin Museums]. M.: Moscow Kremlin Publ. [In Russ.]

Acheimastou-Potamianou, Myrtali (1998). *Icons of the Byzantine Museum of Athens*. Athens: Epirinonia.

Aleksandrovich, Vladimir (2001). *Kholm icon of the Virgin Mary* // Historical and cultural studies. Vol. I. Lviv. [In Ukr.]

Berednikov, Iakov (1888). *Istoriko-statisticheskoe opisanie pervoklassnogo Tihvinskago Bogorodickago Bolyshogo muzhskago monastyrya, sostoyashchego v Novgorodskoj eparhii v g. Tihvine* [Historical and statistical description of the first-class Tikhvin Bogoroditsky Big Monastery, located in the Novgorod diocese in the city of Tikhvin]. SPb.: Tikhvin Great Monastery Publ. [In Russ.]

Chatzidakis, Nana (1997). *Hosios Loukas*. Athens: Melissa.

Demus, Otto (1991). *Die byzantinischen Mosaikikonen. Bd.1: Die Crossgormatige Ikonen*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.

Jääskinen, Aune (1976). *The Icon of the Virgin of Tikhvin. A study of the Tikhvin Monastery Palladium in the Hodegitria Tradition*. Helsinki: Julkaisuvuosi.

Kachalova, Irina; Maiasova, Natalia; Shchennikova, Ludmila (1990). *Blagoveshchenskij sobor Moskovskogo kremlya. K 500-letiyu unikal'nogo pamyatnika russkoj kul'tury* [Annunciation Cathedral of the Moscow Kremlin. To the 500th Anniversary of a unique monument of Russian culture]. M.: Iskusstvo. [In Russ.]

Kirillin, Vladimir (2007). *Skazanie o Tihvinskoj ikone Bogomateri «Odigitriya»*. *Literaturnaya istoriya pamyatnika do XVII veka. Ego soderzhatel'naya specifika v svyazi s kul'turoj epohi. Teksty* [The Legend of the Tikhvin Icon of the Mother of God "Hodegetria". Literary history of the monument until the 17th century. Its content specificity in connection with the culture of the era. Texts]. M.: Languages of Slavic cultures. [In Russ.]

Kolesnikova, Lesya (2005). *Ob istorii restavracii chudotvornoj ikony Bogomateri Tihvinskoj* [On the history of

the restoration of the miraculous icon of the Mother of God of Tikhvin] // Iskusstvo khristianskogo mira [Art of the Christian World]. Collection of articles. M.: PSTGU. Vol. IX. Pp. 370–383. [In Russ.]

Lifshits, Lev (2015). *Zhivopis' vtoroj poloviny 12 veka* [Painting of the second half of the 12th century] // *Istoriya russkogo iskusstva, v 22 t* [History of Russian art, in 22 vols]. T. 2, Part 2: Art of the second half of the 12th century, ed. L. I. Lifshits, Moscow: Northern Pilgrim. [In Russ.]

Mil'chik, Mikhail, Shalina, Irina (1996). *Ikona "Bogomater' Tihvinskaya" s 24-mya klejmami chudes i ee avtor Rodion Sergiev* [Icon "Mother of God of Tikhvin" with 24 marks of miracles and its author Rodion Sergiev] // *Pamyatniki Kul'tury. Novye otkrytiya* [Monuments of Culture. New discoveries]. Yearbook. 1994. M.: Nauka. Pp. 181–196. [In Russ.]

Milyaeva, Lada (2013). *Chudotvornaya ikona «Bogomater' Holmskaya»*. *Sud'ba shedevra, v Stranicy istorii otechestvennogo iskusstva* [The miraculous icon «Virgin Mary of Kholm». The fate of a masterpiece] // Pages of the history of Russian art Collection of articles dedicated to the memory of the artist-restorer N. V. Pertsev (1902–1981). Issue XXIII. St. Petersburg: State Russian Museum. Pp. 56–81. [In Russ.]

Mouriki, Doula (1991). *Variants of the Hodegetria on two Thirteenth-Century Sinai Icons* // *Cahiers Archeologiques*. Vol. 39. Pp. 153–182.

Popova, Olga (2013). *Puti vizantijskogo iskusstva = Paths of Byzantine Art* [Paths of Byzantine Art = Paths of Byzantine Art]. M.: Gamma-Press.

Saenkova, Elena (2017). *Ikona "Bogomater' Tihvinskaya s protoevangel'skim ciklom i svyatymi" vtoroj chetverti XVI veka iz sobraniya Konstantina Voronina* [Icon "Our Lady of Tikhvin with the proto-Gospel cycle and saints" of the second quarter of the 16th century from the collection of Konstantin Voronin] // *Sobranie Konstantina Voronina. Ikony. Hudozhestvennyj metall XIII–XVI veka* [Collection of Konstantin Voronin. Icons. Artistic metal. 13th–16th centuries]. M.: TsMiAR, Pp. 54–66. [In Russ.]

Sedov, Vladimir. (2001). *Uspenskij sobor Tihvinskogo monastyrya — relikvarij chudotvornoj ikony: Osobennosti arhitekturnogo tipa* [Assumption Cathedral of the Tikhvin Monastery — reliquary of the miraculous icon: Features of the architectural type] // *Chudotvornaya ikona Tihvinskoj Bogomateri: ikonografiya — istoriya — pochitanie* [The miraculous icon of the Tikhvin Mother of God: iconography — history — veneration]. Abstracts of scientific conference reports. SPb. Pp. 41–42. [In Russ.]

Shalina, Irina (2001). *Ikonografiya ikony Bogomateri Tihvinskoj i ee simvolicheskij zamyсел* [Iconography of the icon of Our Lady of Tikhvin and its symbolic intent] // *Chudotvornaya ikona Tihvinskoj Bogomateri: ikonografiya — istoriya — pochitanie* [The miraculous icon of the Tikhvin Mother of God: iconography — history — veneration]. Abstracts of scientific conference reports. SPb. Pp. 35–37. [In Russ.]

Shalina, Irina (2020). *Drevnejshaya podvesnaya licevaya pelena chudotvornoj ikony Bogomateri Tihvinskoj i proslavlenie monastyrskoj svyatyni* [The oldest embroidery veil of the miraculous icon of the Mother of God of Tikhvin and the glorification of the monastery shrine] // *Vestnik sektora drevnerusskogo iskusstva. Zhurnal po istorii drevnerusskogo iskusstva* [Bulletin of the sector of ancient Russian art. Journal on the history of ancient Russian art]. Vol. 4. M.: State Institute for Art Studies. Pp. 129–145. [In Russ.]

Shalina, Irina (2022). *Licevye peleny XVII veka v ubranstve Uspenskogo sobora Tihvinskogo monastyrya* [Enbrodery veils of the 17th century in the decoration of the Assumption

Cathedral of the Tikhvin Monastery] // XXVI Nauchnye chteniya pamyati Iriny Petrovny Bolotcevoj (1944–1995): Sbornik statej [XXVI Scientific readings in memory of Irina Petrovna Bolotseva (1944–1995): Collection of articles]. Yaroslavl: Yaroslavl Art Museum. Pp. 183–204. [In Russ.]

Shalina, Irina (2023). *Tihvinskaya ikona Bozhiej Materi* [Tikhvinskaia ikona Bozhiei Materi] // *Pravoslavnaia entsiklopediia* [Orthodox Encyclopedia]. T. LXVIII. Teiiar de Sharden — To. M. Pp. 315–373. [In Russ.]

Shalina, Irina (2024). *Mernye spiski chudotvornoj Tihvinskoj ikony vo vtoroj chetverti XVIII veka* [Measurement lists of the miraculous Tikhvin icon in the second quarter of the 18th century] // XXVIII Nauchnye chteniya pamyati Iriny Petrovny Bolotcevoj (1944–1995): Sbornik statej [XXVIII Scientific readings in memory of Irina Petrovna Bolotseva (1944–1995): Collection of articles]. Yaroslavl: Yaroslavl Art Museum. Pp. 251–271. [In Russ.]

Sidorenko, Galina (1996). *Pyata Spasitelya* [Heel of the Savior] // *Chudotvornaya ikona v Vizantii i Drevnej Rusi* [Miraculous icon in Byzantium and Ancient Rus']. M.: Martis. Pp. 321–335. [In Russ.]

Tatič-Dgurič, Marjam (1969). *Икона Богородице «Прекрасне», њено порекло и распрострањеност* // *Зборник Светозара Радојчића, Београд*. Pp. 335–354. [In Serb.]

Tatič-Dgurič, Marjam (1977). *Икона Богородице Знамења* // *Зборник Матице српске за ликовне уметности*. Нови Сад. Es. 13. Pp. 3–27. [In Serb.]

Temple, Richard (2005). *Masterpieces of Early Christian Art and Icons*. London: The Temple Gallery.